

Северохантыйская посессивность и типология детерминации

Степан Кириллович Михайлов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия
smikhailov@hse.ru

Во многих уральских языках показатели посессивного согласования образуют особую систему детерминации. Вслед за рядом уралистских исследований, которые доказывают, что рассматриваемые в них посессивы грамматикализовались в детерминаторы, настоящее исследование описывает семантику четырех таких детерминаторов в казымском диалекте северохантыйского языка на полевом материале и сопоставляет их с недавними результатами из типологии и теории детерминации. Хотя эти детерминаторы затрагивают известные семантические противопоставления (известность, уникальность, салиентность, партитивность, интенсиональная жесткость), в некоторых случаях сочетания этих свойств, наблюдаемые в северохантыйском языке, по-видимому, ранее не фиксировались в языках мира. Так, я утверждаю, что в северохантыйском языке есть определенные посессивы, а также детерминатор, маркирующий максимальную салиентность референта. В других же случаях северохантыйские данные подтверждают находки моих предшественников с тем только различием, что в их материале рассматриваемые противопоставления выражаются элементами, не связанными с категорией посессивности. Тем самым настоящее исследование вносит вклад в типологию детерминации и в полевую семантику языков России, продолжая и развивая направление исследований в уралистике, начатое в [Nikolaeva 2003; Fraurud 2001; Кузнецова 2003].

Ключевые слова: посессивы, определенность, партитивная специфичность, салиентность, проприальный artikel, полевая семантика, северохантыйский язык

Для цитирования: Михайлов С. К. Севернохантыйская посессивность и типология детерминации. *Родной язык*, 2023, 2: 6–51.
DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-6-51

Northern Khanty possessives and determiner typology

Stepan Kirillovich Mikhailov

*Higher School of Economics University
Moscow, Russia
smikhailov@hse.ru*

In many Uralic languages, possessive agreement markers form a special determiner system. Following several studies that argue that Uralic possessives have been grammaticalized as determiners, the present study (based on original field data) describes the semantics of four such determiners in the Kazym dialect of Northern Khanty and sets them against the background of recent investigations of typology and the theory of determiner semantics. Although these determiners involve well-known semantic features (familiarity, uniqueness, salience, partitivity, intensional rigidity), some of the combinations of these features observed in Northern Khanty appear to be previously unattested among the world's languages. For instance, I claim that in Northern Khanty, there are definite possessive markers, as well as a determiner that marks the most salient referent. In other cases, the Northern Khanty data confirm the findings of my predecessors, with the only difference being that in their data the relevant oppositions are found in expressions unrelated to possessives. Thus, this study contributes to determiner typology and to field-based semantic research in the languages of Russia, continuing the direction of Uralic studies started by [Nikolaeva 2003; Fraurud 2001; Kuznetsova 2003].

Keywords: possessives, definiteness, partitive specificity, salience, proprial article, field-based semantic research, Northern Khanty

For citation: Northern Khanty possessives and determiner typology. *Родной язык*, 2023, 2: 6–51.
DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-6-51

1. Введение¹

В начале 2000-х гг. Ирина Николаева и Кари Фраурюд [Nikolaeva 2003; Fraurud 2001; Nikolaeva 1999] представили первые корпусные исследования показателей посессивного согласования (посессивов) в уральских языках, в которых подробно рассматривались непосессивные («дискурсивные» или «расширенные») употребления посессивов (см. также [Кузнецова 2003]). Николаева (для северохантыйского) и Фраурюд (для удмуртского) совершают два схожих наблюдения:

- i. Уральские посессивы употребляются гораздо чаще, чем посессивные конструкции европейских языков.
- ii. Во многих употреблениях уральские посессивы функционируют как определенные детерминаторы.

---

¹ Я хотел бы выразить благодарность нашим друзьям из числа казымских ханты за гостеприимство и готовность работать с нами и помогать нам, делясь своим бесценным знанием языка. Без них это исследование было бы невозможно. Я благодарю С. Ю. Толдову, А. А. Козлова, Н. В. Ивлиеву и А. П. Симоненко, которые многому меня научили и сильно повлияли на мысли, изложенные здесь. Я также благодарен за комментарии и советы коллегам по экспедиции и по НУЛ по формальным моделям в лингвистике, а также участникам конференций «*Sinn und Bedeutung 28*», «*Малые языки в большой лингвистике*» (2022), XIX Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей и Четвертого выездного семинара Общества полевых лингвистов, где в разное время были представлены фрагменты настоящего исследования. Отдельная благодарность двум рецензентам журнала «*Родной язык*», чьи замечания позволили существенно улучшить текст статьи. Все недочеты и неточности остаются на моей совести. Текст подготовлен к печати в рамках исследования № 23-00-036 «Хантыйский язык в типологической перспективе» в рамках Программы Научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Так, Фраурюд [Fraurud 2001: 251] показывает, что в корпусе удмуртского языка 30 % именных групп (ИГ) подлежащего и 40 % ИГ прямого дополнения маркированы показателем посессивности третьего лица единственного числа (poss.3SG)², тогда как объем ИГ с посессором-местоимением 3SG в шведском и английском корпусах составляет не более, чем 1,6 % и 7 % соответственно³. Фраурюд подробно обсуждает несколько примеров таких «расширенных» употреблений посессивов, указывая на их близость с употреблениями английского определенного артикля по [Hawkins 1978], но приходит к выводу, что на данном этапе их нельзя считать грамматикализованными, поскольку употребление посессивного показателя в таких случаях необязательно.

Аналогичным образом Николаева [Nikolaeva 1999: 82] сопоставляет ассоциативные употребления⁴ посессивов севернохантыйского языка (обдорский диалект) с ассоциативными употреблениями английского саксонского генитива (по [Taylor 1996: 346–347]) и обнаруживает, что на 16 % ассоциативных посессивов в английском (из общего числа употреблений саксонского генитива в корпусе) приходится 39 % в севернохантыйском. Николаева связывает эту разницу в частотности с тем фактом, что ассоциативная посессивность — это единственный способ выразить связь между референтами в севернохантыйском, в котором нет артиклей английского типа. В работе [Nikolaeva 2003] Николаева рассматривает больше «расширенных» употреблений посессивов из разных уральских языков в детерми-

---

² Аналогичная повышенная частотность наблюдается у турецкого poss.3sg и у юкатекской посессивной клитики (< майаские) [Fraurud 2001: 251].

³ Подробности об использованных корпусах и методологии см. в исходной работе.

⁴ Под ассоциативными употреблениями посессивов понимаются употребления, при которых посессив обозначает контекстно-зависимое отношение, которое в существенной степени отличается от прототипа обладания (напр., *the secretary's typewriter* в значении «печатная машинка, которую назначили секретарю» и т. п. [Taylor 1996: 202–203]).

нативных функциях, но также склоняется к тому, что эти непосессивные употребления нельзя считать случаями грамматикализации (детерминаторов из посессивов), поскольку они не являются обязательными ни в одном из рассматриваемых языков.

Со времен этих работ возникло немало исследований посвященных непосессивным употреблениям уральских посессивов, которые описывают функционирование посессивов как детерминаторов на корпусном и полевом материале, а также в межъязыковой перспективе [Serdobolskaya et al. 2019; Сердобольская 2017; É. Kiss, Tánczos 2018; É. Kiss 2018; Halm 2018; Mikhailov 2022; Simonenko 2017; Хомченкова 2022; Михайлов 2021а; Михайлов 2021б; Gerland 2014; Janda 2015; Janda 2019; Körtvély 2010; Siegl 2015; Zayzon 2015; Budzisch 2017]⁵. Все эти исследования так или иначе поддерживают идею, что во многих уральских языках есть особая система детерминации, которая основана на показателях посессивного согласования (или даже грамматикализуется из них). Это представляет большой интерес для типологии детерминации, поскольку для других языковых семей и ареалов подобное (почти) не описано.

Цель настоящей статьи — представить более подробное семантическое описание пяти типов употреблений посессивов казымского диалекта северохантыйского языка и соотнести их с недавними результатами из области полевой семантики детерминаторов [Schwarz 2019; Schwarz 2009; Arkoh, Matthewson 2013; Barlew 2014; Gillon 2009] и типологии и теории детерминации [Roberts 2003; Coppock, Beaver 2015; Падучева 2017; Farkas 2002; Enç 1991; Farkas, Brasoveanu 2019].

До настоящего исследования посессивы казымского диалекта были описаны в [Смирнова 2019; Михайлов 2021а;

---

⁵ См. также [Логвинова 2019] о данных чувашского языка и [Siegl 2015] о данных долганского языка (<туркские).

Михайлов 2021b; Mikhailov 2022; Муравьев и др. 2023]⁶. Однако в этих работах семантика непосессивных употреблений обсуждается лишь предварительно, а основное внимание уделено либо проблеме посессивного согласования с лексическим посессором [Смирнова 2019; Муравьев и др. 2023], либо аргументам за грамматикализацию непосессивных употреблений в полноценные детерминаторы [Михайлов 2021a; Михайлов 2021b; Mikhailov 2022]. Моя же цель состоит в том, чтобы представить более подробный семантический анализ этих детерминаторов, тогда как аргументы за их грамматикализацию как отдельных единиц останутся по большей части за рамками этой работы (как и проблема согласования с лексическим посессором). Далее я буду называть грамматикализованные непосессивные употребления посессивных показателей **«беспосессивами»**, поскольку они представляют собой **употребления посессивов без (собственно) посессивного значения**⁷.

Там, где не указано иначе, я рассматриваю собственные данные, полученные в ходе полевой работы с носителями казымского диалекта северохантыйского языка в селе Казым (ХМАО-Югра) методом элицитации по методологии Мэттьюсон [Matthewson 2004] в рамках совместных экспедиций НИУ ВШЭ и МГУ им. Ломоносова под руководством С. Ю. Толдовой и А. А. Козлова в 2018–2023 гг. Каждое суждение, представленное в работе, было получено по крайней мере с четырьмя консультантами. Всего я работал с тринад-

⁶ В очерках казымского диалекта [Каксин 2010; Sipos 2022] непосессивные употребления практически не рассматриваются. Как показывает [Михайлов 2021a], данные о непосессивных употреблениях казымского диалекта существенно отличаются от данных моих предшественников по другим диалектам, например по приуральскому диалекту [Nikolaeva 1999; Nikolaeva 2003] или по тегинскому диалекту [Кашкин 2010].

⁷ Я также надеюсь, что введение особого термина для обозначения показателей такого типа способствует их более централизованному рассмотрению исследователями уральских языков и языков других семей.

цатью консультантами. В настоящей работе я опираюсь исключительно на данные элицитации (о валидности такой методологии см. хотя бы [Davis et al. 2014]), хотя в будущем я надеюсь проверить выдвигаемые здесь обобщения и на текстовых данных.

Работа структурирована следующим образом. В разделе 2 вводятся основные понятия и противопоставления из теории детерминации, релевантные для настоящего исследования. В разделе 3 последовательно рассматривается семантика пяти казымских хантыйских (бес)посессивов: собственно посессива, ассоциативного посессива, партитивного артикля, показателя топика и проприяльного артикля⁸. Раздел 4 указывает возможные направления дальнейших исследований и суммирует основные результаты исследования.

Будет показано, что, хотя северохантыйские беспосессивы затрагивают известные семантические противопоставления (известность, уникальность, салиентность, партитивность, интенциональная жесткость), в некоторых случаях сочетания этих свойств, наблюдаемые в северохантыйском языке, по-видимому, ранее не фиксировались в языках мира. В других же случаях северохантыйские данные подтверждают находки моих предшественников с тем только различием, что в их материале рассматриваемые противопоставления выражаются элементами, не связанными с категорией посессивности.

Таким образом, настоящая статья вносит вклад в теорию и типологию детерминации, проливая свет на возможные типы детерминаторов и их диахронические источники.

---

⁸ Проприяльный артикль — это артикль, который употребляется с именами собственными в аргументной позиции [Милюз 2019].

2. Детерминация и посессивность: основные понятия⁹

Вопросы, касающиеся детерминации, — это вопросы соотнесения свойства, обозначаемого именной группой, с его носителями. Есть ли у свойства лишь один уникальный носитель? Считает ли говорящий, что адресату известен конкретный носитель свойства, к которому отсылает говорящий? Отсылает ли говорящий к одному конкретному носителю свойства, или к любому носителю свойства, или вообще ни к одному?

Специализированными средствами выражения или маркирования детерминации являются артикли, как, например, определенный и неопределенный артикли в английском языке. Помимо артиклей детерминацию маркируют указательные и неопределенные местоимения.

Двумя принципиальными измерениями детерминации являются определенность и специфичность¹⁰. Едва ли можно сказать, что существуют общепринятые определения этих понятий. Тем не менее, работая с конкретным эмпирическим материалом, мы можем отталкиваться от предварительных определений и уточнять их при необходимости. Поскольку в настоящей работе речь идет о показателях, связанных прежде всего с определенностью, в этом

⁹ Близкий синоним понятия «детерминация» — это референциальный или денотативный статус [Падучева 2017]. Я использую понятие «детерминация» вслед за [Coppock, Beaver 2015; Löbner 2011; Плунгян 2011], поскольку оно более прозрачно связано с понятием «детерминатор».

¹⁰ Вслед за [Farkas, Brasoveanu 2019], я использую зонтичный термин «специфичность» вместо традиционно принятого «референтности», поскольку последний слишком узок и охватывает только один вид специфичности. В частности, ниже фигурируют партитивно-специфичные (5) и эпистемически-неспецифичные (7) ИГ. Ни тот, ни другой статус нельзя свести к референтности, поскольку и партитивно-неспецифичные, и эпистемически-неспецифичные ИГ могут тем не менее быть референтными (см. соответствующие примеры ниже).

разделе я сфокусируюсь именно на ней, а противопоставления, релевантные для зоны неопределенности, останутся по большей части за кадром (см. [Падучева 2017; Farkas, Brasoveanu 2019]).

Вслед за Крейги Робертс [Roberts 2003], я понимаю определенность как совокупность нескольких импликаций (конкретнее, пресуппозиций), которые несет именная группа. Определение Робертс дано в (1)¹¹.

(1) ПРЕСУППОЗИЦИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ И УНИКАЛЬНОСТИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ИГ (адаптировано с переводом из [Roberts 2003: 308]).

В данном контексте С употребление определенной ИГ₁ несет пресуппозицию, что существует дискурсивный референт x_i , который служит антецедентом этой ИГ и обладает следующими свойствами:

- 1) существование x_i следует из общего фона разговора в С (*пресуппозиция слабой известности*);
- 2) x_i удовлетворяет дескриптивному значению ИГ₁ и является единственным дискурсивным референтом в С, для которого это верно (*пресуппозиция информационной уникальности*).

Это определение опирается на несколько понятий, которые следует пояснить. Во-первых, речь идет не о действительных референтах (индивидуах в мире, о котором идет речь), а о **дискурсивных референтах** — сущностях, содержащих совокупность информации об одном индивиде, существование которого предполагается участниками разговора в рамках данного отрезка дискурса (хотя его существование в актуальном мире не является необходимым и не подразумевается с необходимостью).

Дискурсивные референты являются частью **общего фона разговора** [Stalnaker 1974; Долгоруков и др. 2021] —

¹¹ Теория Робертс основана на материале английского языка и охватывает следующие типы определенных ИГ: ИГ с определенным артиклем, ИГ с указательными местоимениями, личные местоимения, имена собственные.

множества фактов, взаимно известных говорящему и адресату. Одно из необходимых условий определенности по Робертс, слабая известность, определяется именно через общий фон разговора (1).

Ценность понятия слабой известности можно проиллюстрировать следующим примером (2).

- (2) a. #Every car had a puncture in **the tire**¹².
б. Every unicycle had a spoke missing from **the wheel**.

(адаптировано из [Roberts 2003: 291])

Рассмотрим сначала предложение (2б). Именная группа ‘колесо’ здесь употребляется в контексте, в котором ранее был введен моноцикл. Исходя из знаний о мире, которые составляют часть общего фона разговора, можно утверждать, что (для каждого моноцикла) существует одно единственное колесо. Тем самым следствия из общего фона разговора удовлетворяют пресуппозиции слабой известности и информационной уникальности ИГ *the wheel*, которые привносит определенный артикль *the* в (2б), что и делает необходимым его употребление в этом примере. Отметим, что употребление *the* здесь обязательно даже несмотря на то, что ‘колесо’ здесь не является известным в традиционном смысле, так как оно не упоминалось в предшествующем контексте (сильная известность по Робертс).

Пример (2а) показывает, что информационная уникальность референта также является необходимым условием употребления определенного артикля. В случае его неуникальности (как в (2а): у машины обычно несколько шин) употребление определенного артикля становится невозможным.

Приименные посессивные конструкции (посессивы) типа *мой дом*, *рисунок этой девочки*, *Sue's book* ‘книга Сью’

¹² Я использую следующие знаки приемлемости: # — высказывание грамматично, но неприемлемо по семантическим или pragматическим причинам; * — высказывание неграмматично; ?? — высказывание «затруднено» (используется в примерах ниже, цитируемых из [Михайлов 2021а]).

и т. п. — это еще один класс выражений, связанных с детерминацией. В некоторых языках посессивы находятся в дополнительной дистрибуции с артиклями, как, например, в случае саксонского генитива в английском (*Sue's book*), и имеют дистрибуцию схожую с определенными ИГ. Джон Тэйлор [Taylor 1996], основываясь на материале английского языка, анализирует посессивы как особые дискурсивные средства, которые позволяют ввести референта через его связь с другим известным референтом¹³. Согласно его анализу, таким образом, посессивы связаны с известностью — одним из двух необходимых условий определенности.

В отношении саксонского генитива интересный контраст обнаруживают Лиз Коппок и Дэвид Бивер [Coppock, Beaver 2015]. В зависимости от позиции, в которой употреблена группа с саксонским генитивом, меняется ее детерминация. В аргументных позициях такие группы ведут себя, как определенные, вызывая противоречие в тесте «противоречия» (negation test [Löbner 2011]), как в (3а), где двум идентичным группам *Mary's pet rabbit* приписываются взаимоисключающие свойства, что делает высказывание неприемлемым. (Ср. (3б), которое показывает, что неопределенные ИГ с *some* не вызывают противоречие в этом тесте, а значит, являются недетерминированными (indeterminate) по Коппок и Биверу.)

- (3) a. #***Mary's pet rabbit*** is in the cage and ***Mary's pet rabbit*** is outside the cage.
 6. Some rabbit is in the cage and some rabbit is outside the cage. (адаптировано из [Coppock, Beaver 2015: 417])

Поразительное наблюдение состоит в том, что в предикатной позиции группы с саксонским генитивом недетерминированы (4а) так же, как группы с *some* (4б), но в отличие от групп с *the* (4в).

¹³ Однако см. критику анализа Тэйлора в [Barker, Polinsky 1998] в связи с неопределенными посессорами (например, *some girl's book* ‘книга (какой-то) девочки’). См. также [Barker 2000].

- (4) a. The rabbit in the cage is **Mary's pet** and the rabbit sitting just outside the cage is **Mary's pet**.
б. The rabbit in the cage is a pet Mary owns and the rabbit sitting just outside the cage is a pet Mary owns.
в. #The rabbit in the cage is the pet Mary owns and the rabbit sitting just outside the cage is the pet Mary owns.
(адаптировано из [Там же: 418])

Исходя из этих наблюдений, Коппок и Бивер считают саксонский генитив не маркированным по определенности, а его поведение в аргументной позиции объясняют скрытой операцией йота-сдвига [Partee 1987], которая делает из предикатных именных групп определенные аргументные ИГ.

Как обсуждалось в разделе 1 настоящей статьи, во многих уральских языках посессивы также используются для маркирования известных референтов ([Nikolaeva 2003; Fraurud 2001] и др.). Так, согласно [Михайлов 2021а; Михайлов 2021б; Mikhailov 2022], в казымском диалекте северохантыйского языка некоторые посессивы грамматикализовались в детерминаторы разных типов. (В этой связи я буду называть их «беспосессивами», как в разделе 1.) Однако основная цель работ Михайлова состоит в том, чтобы доказать синхронную независимость беспосессивов от посессивов в собственно посессивных функциях на основании различий между ними в ряде семантических и морфосинтаксических свойств. При этом семантическая характеристика этих беспосессивов в этих работах дается лишь предварительно. Именно поэтому настоящая статья имеет целью соотнести казымские хантыйские беспосессивы с существующей теорией и типологией детерминации в ходе более подробного рассмотрения их семантики.

Перед тем как перейти к обзору северохантыйских данных, необходимо представить еще один тип детерминации, близкий к определенности, но отличный от нее, а именно — партитивную специфичность. Партитивная специфичность имеет место, когда референт ИГ является ча-

стью известного в данном контексте референта [Enç 1991; Farkas 2002; Farkas, Brasoveanu 2019]. Так, например, в турецком партитивно-специфичные прямые дополнения маркируются винительным падежом (5), а опущение винительного падежа в этом примере вызывает импликацию, что эти две девочки не относятся к числу детей из предшествующего контекста.

(5) *[Контекст: «В комнату зашли несколько детей».]¹⁴*

Iki   kiz-#(i)   tanıyordum.

two   girl-acc   I:knew

‘Я знал двух девочек [из этих детей]’. (адаптировано с переводом из [Enç 1991: 6])

Тесная связь партитивной специфичности с определенностью подтверждается тем, что типологически дифференцированное маркирование прямого дополнения (differential object marking, DOM) нередко зависит от того, является ли референт определенным/партитивно-специфичным или нет [Farkas 2002]. Именно так в турецком винительный падеж используется в контекстах полной определенности или партитивной специфичности прямого дополнения, а не партитивно-специфичные и неопределенные дополнения остаются немаркированными¹⁵. Иными словами, турецкий DOM объединяет определенные и партитивно-специфичные ИГ в один класс, противопоставляя их остальным типам ИГ. Согласно [Михайлов 2021a], один из северохантыйских беспосессивов (грамматикализованный из poss.3sg) выражает именно партитивную специфичность (см. ниже §3.3).

¹⁴ При указании контекста в примерах вне кавычек я привожу экстралингвистический контекст, а в кавычках — лингвистический контекст (стимул на языке примера опускается для экономии места).

¹⁵ Подробное обсуждение семантики винительного падежа в турецком см. в классической статье Мюрвет Энч [Enç 1991].

3. Северохантыйские беспосессивы в типологии детерминации

В этом разделе будут представлены данные о наличии у северохантыйских беспосессивов, выделенных в [Mikhailov 2022; Михайлов 2021a; Михайлов 2021b], импликаций, которые традиционно относят к зоне детерминации [Roberts 2003; Farkas 2002; Падучева 2017; Плунгян 2011]. Конкретнее, речь пойдет о пресуппозициях известности (существования), уникальности и партитивной специфичности. Кроме того, будет показано, что некоторые употребления также требуют включения в анализ менее широко обсуждаемых импликаций салиентности (ср. [Barlew 2014]) и интенциональной жесткости [Kripke 1980; Muñoz 2019].

3.1. Собственно посессив

Собственно посессив выражает прототипические посессивные отношения [Михайлов 2021b], которые основаны либо на прототипе обладания [Taylor 1996], либо на семантике вершинного имени [Partee, Borschev 2003] (ср. ассоциативный посессив, §3.2).

Собственно посессив не требует уникальности референта, что показано в примере (6) при помощи теста противоречия [Coppock, Beaver 2015] (см. также §2).

(6) [Контекст: *Ребенок устроил беспорядок на кухне. Родители говорят: «Что ты тут устроил?»*]

päsan əxtij-ən	näŋ juntut-en	иλ,
стол на-LOC	ты игрушка-POSS.2SG	лежать[NPST.3SG]
kər_λaŋəl-ən	näŋ juntut-en	иλ,
плита-LOC	ты игрушка-POSS.2SG	лежать[NPST.3SG]
päsan iłprij-ən	näŋ juntut-λ-an	kərit'χ-əl-ət
стол под-LOC	ты игрушка-PL-POSS.2SG	валяться-NPST-3PL
Дословно: ‘На столе твоя игрушка лежит, на плите твоя игрушка лежит, под столом твои игрушки валяются’.		

От ИГ, несущей пресуппозицию уникальности, в таком контексте ожидается неприемлемость, как это имеет место, например, с английским определенным артиклем или саксонским генитивом в аргументных позициях [Там же]. Однако для северохантыйских ИГ, маркированных собственно посессивом, подобные контексты не исключены, что позволяет утверждать, что они не требуют уникальности. Иными словами, собственно посессив не маркирован по определенности, поскольку не требует уникальности и не исключает ее.

Это утверждение подкрепляется тем наблюдением, что собственно посессив сочетается с эпистемически-неспецифичным местоимением *tiulsər* ‘какой-то’ (7)¹⁶.

(7) [Контекст: Говорящий в гостях у друга.]

<i>tiulsər</i>	<i>an-en</i>	<i>mij-a</i>
какой-то	чашка-poss.2SG	дать-IMP[SG]
‘Дай мне какую-нибудь твою чашку’.		

Можно сказать, что собственно посессив функционирует как модификатор, который сужает экстенсионал именной группы ‘чашка’ до множества ‘чашки, которые тебе принадлежат’, но при этом не детерминирует именную группу. Поэтому он может свободно сочетаться с неопределенным местоимением *tiulsər*.

При этом оказывается, что собственно посессив несет пресуппозицию существования референта, что подтверждается следующими примерами. Собственно посессив не употребляется в предикатной посессивной конструкции с глаголом *täjti* ‘иметь’ в экзистенциальном значении и не может иметь узкую сферу действия по отношению к отри-

¹⁶ Эпистемическая специфичность затрагивает вопрос, есть ли у говорящего на примете конкретный индивид, соответствующий данной именной группе, или нет [Farkas, Brasoveanu 2019: 12], ср. русское местоимение неизвестности *какой-то* [Падучева 2016].

зации (8а)¹⁷. Добавление посессива приводит к смене интерпретации глагола на ‘временное обладание’ (8б).

- (8) a. **năŋ**   **welik**   ānt   tăj-λ-ən
     ты   велосипед   NEG   иметь-NPST-2SG
     ‘У тебя нет велосипеда’.
- б. **năŋ**   **welik-en**   ānt   tăj-λ-ən
     ты   велосипед-POSS.2SG   NEG   иметь-NPST-2SG
     ‘У тебя [сейчас] нет своего велосипеда [например, он сломан]’.
- Ожид.: #У тебя нет велосипеда.

Александра Симоненко [Simonenko 2017] показывает, что показатели посессивного согласования делятся на два типа в зависимости от возможности иметь узкую сферу действия по отношению к отрицанию. Мокшанские, лугово-марийские и турецкие посессивы свободно употребляются в конструкции типа (8а) с узкой сферой действия по отношению к отрицанию, тогда как бурятские и коми ижемские посессивы в такой конструкции могут иметь только широкую сферу действия (как в (8б)) [Там же: 431–432]. Симоненко связывает это различие с наличием пресуппозиции существования у посессива. Если посессив несет такую пресуппозицию, то употребление его в сфере действия отрицания привело бы к противоречию: пресуппозиция ‘существует *х* такой, что *х* связан отношением обладания с *у* (посессором)’ противоречит ассерции ‘не существует *х* такого, что *х* связан отношением обладания с *у* (подлежащим)’ (где *у* — один и тот же референт). В языках, где употребление посессива в сфере действия отрицания возможно, посессив не несет пресуппозиции существования.

Применяя рассуждение Симоненко к казымским хантыйским данным в (8), мы получаем, что собственно посессив несет пресуппозицию существования референта ИГ, как и посессивы бурятского и коми ижемского языков. Та-

¹⁷ Т. е. в значении ‘у референта ИГ-подлежащего есть индивид из экстенсионала ИГ-прямого дополнения’.

ким образом, собственно посессив не маркирован по определенности, но производит референтные ИГ.

3.2. Ассоциативный посессив

Согласно Ирине Николаевой [2003], которая рассматривает ассоциативные употребления ряда уральских посессивов, ассоциативная посессивность имеет место, когда посессив обозначает отношения, которые не основаны на посессивном прототипе (обладания, части-целого, социальных отношений) [Taylor 1996] или на семантике вершинного имени [Partee, Borschev 2003]. Ассоциативные отношения временны и контекстно-зависимы.

Употребление ассоциативного посессива несет пресуппозицию, что между референтом ИГ и посессором есть контекстно-доступное отношение. В (9) чашка, маркированная ассоциативным poss.2sg, не принадлежит подруге говорящего и никак с ней не связана помимо того, что они находятся рядом. Тем не менее посессивное маркирование здесь возможно и даже обязательно. (Неупотребление посессива приводит к неприемлемости высказывания, что маркировано как *an-#(en)* со знаком неприемлемости (#) снаружи скобок.)

(9) [*Контекст: У говорящего в гостях подруга. На столе одна чашка. Он говорит подруге:*]

an-#(en)	mi-je
стакан-poss.2sg	дать-IMP.SG>SG
'Передай чашку'. [Михайлов 2021b: 112]	

При этом в минимально отличном контексте с несколькими чашками (10) употребление ассоциативного посессива невозможно.

(10) [*Контекст, как в (9), но чашек несколько.*]

an-#(en)	mi-ja
стакан-poss.2sg	дать-IMP[SG]
'Передай чашку'. [Там же: 113]	

Исходя из этих наблюдений можно утверждать, что ассоциативный посессив несет пресуппозицию уникальности [Михайлов 2021b].

Обязательность его употребления в случаях типа (9) можно объяснить прагматическим принципом *Maximize Presupposition!* («употребляй как можно больше выражений с пресуппозициями, которые удовлетворяются в данном контексте»), который Ирэна Хайм [Heim 1991; Heim 2019] вводит для объяснения конкуренции между определенным и неопределенным артиклем в языках типа английского: неупотребление элемента с пресуппозицией уникальности в контексте, где уникальность референта допускается общим фоном разговора, вызывает импликацию, что референт неуникален. В примере (9) немаркированная форма по моему предположению и вызывает импликацию неуникальности. Поскольку в данном контексте эта импликация ложна, она приводит к неприемлемости.

Ассоциативный посессив также требует существования или известности референта, как показывают примеры (11) и (12). В этих примерах говорящий просит адресата сделать костер в разных контекстах: в (12) дрова сложены, и костер просто нужно разжечь, а в (11) костер нужно делать «с нуля». В случае (11) референт неизвестен адресату в силу несуществования, в (12) референт известен в силу доступности во внеязыковом контексте. Маркирование ассоциативным посессивом обязательно в случае известности референта и невозможно при неизвестности.

(11) tut-(#en)	wər-a
огонь-poss.2SG	делать-IMP[SG]
‘Сделай костер’.	

Комментарий консультанта к -en: «[если используется маркированная форма] то это костер в месте, где мы обычно разжигаем костры, [с немаркированной формой] это костер на новом месте».

- (12) **tut-#(en)**   алл-е
 огоны-POSS.2SG   зажечь-IMP.SG>SG
 ‘Зажги костер’.
 Комментарий консультанта к -Ø: «[только маркированную форму можно использовать,] если дрова уже сложены и подготовлены».

Эти наблюдения сближают ассоциативный посессив с определенными детерминаторами типа английского артикля *the*, который также требует уникальности и известности референта ИГ [Roberts 2003] (см. §2). В связи с этим я предполагаю, что ассоциативный посессив является определенным детерминатором.

Последнее предположение подтверждается, в частности, несочетаемостью ассоциативного посессива с эпистемически-неспецифичным местоимением *tiulsər* (13). Здесь, как и в примерах (9) и (10), адресата и референта связывают лишь контекстуальные отношения физической близости. При этом употребление ассоциативного посессива невозможно в присутствии местоимения *tiulsər*.

- (13) [Контекст: У говорящего в гостях подруга. На столе несколько чашек. Он говорит ей:]
 тiulsər   an-(#en)   mij-a
 какой-то   чашка-POSS.2SG   дать-IMP[SG]
 ‘Дай мне какую-нибудь чашку’.

Этот факт представляется ожидаемым в рамках предложенного выше анализа. Ассоциативный посессив не сочетается с неопределенным местоимением *tiulsər*, поскольку он определенный: местоимение и посессив несут взаимо-противоречащие импликации. Этим ассоциативный посессив отличается от собственно посессива, который является лишь посессивным модификатором, ограниченным прототипическими посессивными отношениями и не маркированным по определенности, см. (14) (повторяемый из (7)).

(14) [Контекст: *Говорящий в гостях у друга.*]

тилсәр	an-en	mij-a
какой-то	чашка-poss.2SG	дать-IMP[SG]
'Дай мне какую-нибудь твою чашку'.		

Отметим, что ассоциативный посессив, как и собственно посессив, может иметь любое сочетание лица-числа. Так, в (15) ассоциативный посессив несет признаки 1SG, поскольку маркирует ассоциативное отношение между референтом ИГ и говорящим, которое было введено в предшествующем нарративном контексте.

(15) [Контекст: «Я нашел на улице паспорт. Пошел в администрацию, встретил своего друга, поговорили.»]
пәм **пәрек-#(әм)** suwet-әп хәj-s-әм
 имя бумага-poss.1SG совет-LOC оставить-PST-1SG>SG
 '[А затем] оставил в администрации паспорт.
 {Пусть найдут хозяина, вернут ему.}'

3.3. Паритивный artikelъ

Паритивный artikelъ (грамматикализованный из poss.3SG) маркирует именные группы, отсылающие к части контекстно-заданного множества. Иными словами, он маркирует паритивно-специфичные ИГ [Enç 1991; Farkas 2002; Farkas, Brasoveanu 2019].

В отличие от собственного и ассоциативного посессива, паритивный artikelъ никогда не изменяется по лицу-числу. В связи с этим и другими различиями, обсуждаемыми в [Михайлов 2021a], я считаю, что он синхронно является отличной от собственно посессивов единицей. (При этом я продолжу гlosсировать все обсуждаемые здесь показатели как обычные посессивы, поскольку они формально совпадают, см. [Mikhailov 2022].)

Пример употребления паритивного artikelъ приведен в (16). Здесь паритивный artikelъ с числительным *i* 'один' используется, чтобы отослать к одной из двух собак из предшествующего контекста. При этом употребление не-

маркированной формы в контексте, где уместно употребление партитивного артикля, приводит к неприемлемости. Я связываю этот эффект с принципом *Maximize Presupposition!* [Heim 1991] (ср. обсуждение ассоциативного посессива под (9) и (10)), предполагая соответственно, что партитивный артикль несет партитивную пресуппозицию (‘референт данной ИГ является (собственной) частью другого известного референта’).

(16) [Контекст: «Я шел по улице и увидел двух собак.】

и	amp-#(əλ)	та	рəл-ам-а
один	собака-poss.3SG	я	на-poss.1SG-DAT
χırət-ti	pit-əs		
лаять-NFIN.NPST	стать-PST[3SG]		

‘Одна из собак на меня залаяла’.

При этом невозможно употребление партитивного артикля в случае полного совпадения референта данной ИГ и антецедента, как в минимально отличном примере (17). Вместо него должен быть употреблен показатель топика, грамматикализованный из poss.2SG (см. следующий раздел).

(17) [Контекст: «Я шел по улице и увидел собаку.】

#amp-əλ	та	рəл-ам-а
собака-poss.3SG	я	на-poss.1SG-DAT
χırət-ti	pit-əs	
лаять-NFIN.NPST	стать-PST[3SG]	

Ожид.: #Собака на меня залаяла.

Неприемлемость (17) говорит о том, что северохантыйский партитивный артикль отличается от некоторых других показателей партитивной специфичности, таких как турецкий винительный падеж [Enç 1991] или коми ижемский (бес)посессив 3SG [Simonenko 2017], тем, что он маркирует отношение **собственно** части-целого между референтом данной ИГ и антецедентом и не допускает их полного

совпадения¹⁸. Отметим также, что из строгой партитивной специфичности такого рода, с одной стороны, следует неуникальность референции, а с другой — известность референта (как части другого известного референта).

3.4. Показатель топика

Как показано в [Михайлов 2021a], показатель топика является определенным детерминатором, как и ассоциативный посессив. Показатель топика формально совпадает с poss.2SG, но, в отличие от собственного и ассоциативного посессивов, никогда не изменяется по лицу-числу. На основании этого и некоторых других аргументов [Михайлов 2021a] утверждает, что показатель топика следует считать грамматикализованным детерминатором.

Как определенный детерминатор, показатель топика не употребляется с неизвестными референтами (18) и обязателен с известными (и топикальными по предположению [Михайлов 2021a]) референтами (20). (Следующие три примера образуют один нарратив.)

(18) ma	χot-a	λиŋ-s-əm.
я	дом-DAT	войти-PST-1SG
śäta	śäldat-(#en)	омəs-λ.
там.LOC	солдат-POSS.2SG	сидеть-NPST[3SG]
'Я вошел в дом. Там сидел солдат'. [Там же: 132]		

(19) ma	śäldat-(??en)	χuśa	wana	män-s-əm,	puškan-ən
я	солдат-POSS.2SG	к	ближе	идти-PST-1SG	ружье-LOC
śaš-s-əm					
показать-PST-1SG>SG					
'Я подошел к солдату и наставил на него ружье'.					
[Там же] ¹⁹					

¹⁸ Согласно [Simonenko 2017], схожими ограничениями с севернохантыйским артиклем подвержен лугово-мариийский посессив 3SG в партитивной функции.

¹⁹ Второе упоминание ИГ 'солдат', где показатель топика менее предпочтителен, чем немаркированная форма, обсуждается ниже.

- (20) **šäldat-#(en)**   ракн-əс
 солдат-POSS.2SG   испугаться-PST[3SG]
 ‘Солдат испугался’. [Там же]

К этим примерам можно добавить следующий пример, который показывает, что показатель топика также требует уникальности. В (21a) показатель топика маркирует ИГ в двойственном числе, которая отсылает к уникальному максимальному индивиду из экстенсионала ИГ (т. е. к обеим собакам из предшествующего контекста). В (21b) при попытке отослать к одной из двух собак употребление показателя топика становится невозможным, поскольку данная ИГ не обозначает максимальное контекстно-доступное множество собак. Вместо показателя топика должен быть употреблен партитивный artikel (см. §3.3).

- (21) [Контекст: «Я шел по улице и увидел двух собак».]

- a. **amp-ŋəл-an**   ма   реλ-am-a
 собака-DU-POSS.2SG   я   на-POSS.1SG-DAT
 χurət-ti   pit-s-əŋən
 лаять-NFIN.NPST   стать-PST-3DU
 ‘Собаки на меня залаяли’.
6. **i   amp-əл/#-en**   ма   реλ-am-a
 один   собака-POSS.3SG/-POSS.2SG   я   на-POSS.1SG-DAT
 χurət-ti   pit-əs
 лаять-NFIN.NPST   стать-PST[3SG]
 ‘Одна из собак на меня залаяла’.

Любопытными представляются случаи, в которых показатель топика не употребим с известными уникальными референтами, что и отличает его от определенных artikelей типа английского. Таков пример (19) со вторым упоминанием солдата, а также пример с паспортом (15) из §3.2, повторенный с изменениями как (22). В этом примере ассоциативный POSS.1SG является единственным возможным вариантом маркирования, а показатель топика исключен.

(22) [Контекст: «Я нашел на улице паспорт. Пошел в администрацию, встретил своего друга, поговорили.】

пəт̚ пəрек-əм/#-en suwet-ən χäj-s-əm
 имя бумага-poss.1sg/-poss.2sg совет-LOC оставить-PST-1SG>SG
 [А затем] оставил в администрации паспорт.
 {Пусть найдут хозяина, вернут ему.}^

На первый взгляд этот пример подтверждает предположение из [Михайлов 2021a], что показатель топика требует топикальности референта. Действительно, если под топикальностью понимать статус референта, при котором высказывание сообщает новую информацию **о нем** (aboutness topic [Nikolaeva 2001; Lambrecht 1994]), паспорт в примере (22) явно не топикален. Более конкретно можно сказать, что топикальный референт должен бытьенным в обсуждаемом вопросе (question under discussion), на который отвечает это высказывание [Roberts 2012; Roberts 2019]²⁰. Поскольку в (22) представлено продолжение повествования с одним действующим лицом-говорящим, это высказывание отвечает на вопрос типа «Что ты сделал дальше?» или «Что было дальше?». Из этого мы заключаем, что паспорт в (22) не является топикальным, поскольку он не входит в обсуждаемый вопрос, на который отвечает (22), что и объясняет неприемлемость показателя топика в этом примере согласно предложению из [Михайлов 2021a].

Однако не все употребления показателя топика вписываются в описанную выше логику, поскольку есть случаи, в которых ИГ, маркированная показателем топика, тем не менее находится в узком фокусе, как, например, в (23). В этом примере ИГ с относительным придаточным и пока-

²⁰ В рамках модели обсуждаемых вопросов [Roberts 2012] каждое высказывание в дискурсе отвечает на скрытый или явный вопрос. Ответы связаны с вопросами ограничением, что составляющая данного ответного высказывания, которая соответствует вопросительной части обсуждаемого вопроса, должна быть фокусом. Это ограничение отражает классическое наблюдение (см. хотя бы [Lambrecht 1994]), что фокусом является та часть высказывания, на которую различаются ответ и вопрос.

затем топика отсылает к одной из двух обсуждаемых девочек, как ответ на вопрос «Кто будет играть солнышко?». Согласно модели, описанной выше, ответ на такой вопрос несет узкий фокус. При этом употребление показателя топика здесь обязательно.

(23) [Контекст: *Мы готовим спектакль в школе. Только двум девочкам осталось дать роль. Мы обсуждаем, кому лучше дать роль солнышка: «—Девочка, сидящая слева, высокая. — А девочка, сидящая справа, хорошо поет. И кто будет играть солнышко?»]*]

јাম	рələk-əп	омəs-ti	ewij-en
хороший	сторона-LOC	сидеть-NPST.NFIN	девочка-POSS.2SG
χätl	im-iјe	at	jänt-λ
день	женщина-DIM	орт	играть-NPST[3SG]
‘Пусть солнышко играет девочка, сидящая справа’.			

Этот пример нам показывает, что показатель топика не может требовать топикальности референта. В отличие от других явлений в языках мира, которые заточены на информационно-структурную топикальность²¹, показатель топика не исключен с фокусными составляющими.

Вместо этого я выдвигаю гипотезу, что показатель топика маркирует максимально салиентного референта, что мотивировано нижеследующими примерами. Вслед за Дж. Барлю [Barlew 2014], К. Робертс [Roberts 2011] и другими, я понимаю под салиентностью функцию количества внимания коммуникантов, которое направлено на референта²². Если референт релевантен для достижения целей коммуникантов, был недавно упомянут или же перцептивно выделяется во внеязыковом контексте, то на него направле-

²¹ Как, например, синтаксическая роль согласуемого объекта в приуральском диалекте северохантыйского языка, описанная в классической статье [Nikolaeva 2001].

²² Т. е. степень салиентности референта прямо пропорциональна количеству внимания. См. также ссылки в процитированных работах на обильную экспериментальную психологическую литературу по проблеме внимания.

но внимание коммуникантов и, следовательно, он салиентен. Любые топикальные референты по определению салиентны, но это справедливо не только для них²³.

Так, в примере (23) выше обсуждаемые девочки салиентны, поскольку они релевантны для целей коммуникантов. Другой случай салиентности референтов имеет место с ИГ с дейктическими демонстративами, как в (24). При дейктическом употреблении демонстратива, которое сопровождается указательным жестом, говорящий направляет внимание адресата на определенного референта (см. хотя бы [Diessel 2006]). В результате референт салиентен, и выполняется условие для употребления показателя топика, как в (24).

(24) [Контекст: «Кто тебя ударил?»]

ma	ší	aj_ik-en-ən	χătś-əs-ij-əm
я	DEM	мальчик-POSS.2SG-LOC	ударить-PST-PASS-1SG
‘Меня ударил тот мальчик’.			

Следует заметить, что употребления с ИГ с дейктическими демонстративами для показателя топика крайне характерны. Многие такие случаи особенно ярко указывают на нерелевантность собственно информационно-структурных противопоставлений для его употребления. Так, в примере (24) ИГ с демонстративом находится в узком фокусе, но показатель топика употребляется с ней вопреки этому²⁴.

Севернохантыйский показатель топика не первый детерминатор в известной типологии, для семантики которого релевантна салиентность. До настоящей работы к салиентности в семантике детерминатора прибегал Джейферсон Барлю [Barlew 2014], который анализирует артикль языка булу (< банту, Камерун) и показывает, что этот ар-

²³ Чем объясняется хорошая корреляция употреблений показателя топика с топикальным статусом ИГ.

²⁴ Несмотря на эти соображения, я не считаю нужным переименовывать этот показатель, поскольку текущее название и так интуитивно отражает большую часть его употреблений.

тиклъ требует салиентности референта. Важное отличие северохантыйского показателя топика от салиентного артикла языка булу состоит в том, что северохантыйский показатель имеет особое ограничение на единственность: в нормальном случае в рамках одной клаузы можно употребить лишь один показатель топика²⁵.

Это ограничение проиллюстрировано в (25). В этом примере фигурируют два референта, упомянутые в непосредственно предшествующем контексте, что делает их салиентными. При этом только один из них (в этом примере девочка) может быть маркирован показателем топика, тогда как для второго (для мальчика) маркирование показателем топика исключено несмотря на то, что он тоже салиентен в этом примере. Вместо этого мальчик маркируется ассоциативным посессивом 3SG, так как он связан с девочной ассоциацией по предшествующему контексту (см. §3.2)

(25) [Контекст: «Я шел по улице и увидел мальчика и девочку.】

ew-en	aj_ik-eλ/#-en
девочка-POSS.2SG	мальчик-POSS.3SG/-POSS.2SG
χātś-əs-λe	
ударить-PST-3SG>SG	
‘Девочка ударила мальчика’.	

Исходя из этого ограничения, я и предполагаю, что показатель топика маркирует **максимально салиентного** референта в данном контексте, что отличает его как от классических определенных артиклей типа английского, так и от салиентного артикла языка булу [Barlew 2014]. Предполагая, что максимально салиентным может быть лишь один референт в контексте данного высказывания, можно считать, что в случаях типа (25) говорящему приходится выбирать, какого из референтов с равной салиентностью вы-

²⁵ Это обобщение было впервые сформулировано в неопубликованном отчете [Муравьев 2022], см. также [Муравьев и др. 2023].

делить, а какого маркировать как менее салиентного, что должно соответственно влиять на их салиентность в последующем контексте. В будущих исследованиях было бы интересно проверить эту гипотезу на корпусном материале.

3.5. Проприальный артикль

Последний беспосессив, который мы рассмотрим, — это проприальный артикль (формально эквивалентный poss.2SG и показателю топика), который маркирует имена людей²⁶ и в целом вписывается в семантический профиль проприальных артиклей, сформулированный Патриком Муньосом [Miñoz 2019]. По Муньосу проприальный артикль берет имена предикатного типа и производит именные группы аргументного типа, которые отсылают к конкретному индивиду-носителю данного имени (соответственно известному и уникальному)²⁷.

Для проприального артикля справедливы все аргументы за грамматикализацию показателя топика из [Михайлов 2021a]. В частности, проприальный артикль никогда не изменяется по лицу-числу. Исходя из этого я считаю его синхронно отдельной от собственно посессивов единицей. Ниже также приводится ряд семантических аргументов за различие проприального артикля и показателя топика.

Сперва рассмотрим, как проприальный артикль вписывается в профиль, описанный в [Miñoz 2019]. Во всех аргументных позициях имена людей обязательно маркируются проприальным артиклем (26), а в предикатных позициях наоборот не могут им маркироваться (27)²⁸. Это соответству-

---

²⁶ Другие типы имен собственных, например топонимы, не маркируются этим показателем. Я не включаю эти примеры здесь для экономии места.

²⁷ От йота-сдвига (см. обсуждение (3) и (4)) и каноничных определенных артиклей проприальный артикль отличает то, что он сочетается только с именами собственными и производит интенционально жесткие ИГ, см. ниже.

²⁸ Некоторые из моих консультантов свободно допускают немаркированные имена собственные в аргументных позициях, что

ет анализу Муньоса, при котором артикль производит аргументные ИГ из предикатных имен собственных.

- (26) [Контекст: Вася и Катя ищут мячик. Воспитательница им говорит:]

máčok-ən	peťaj-*(en)-ən	wu-s-i
мячик-POSS.2NSG	П.-POSS.2SG-LOC	ВЗЯТЬ-PST-PASS[3SG]
‘Мячик [уже] забрал Петя’.		

(27) ma λəχs-əm	nət-əl	Ioša / *Iošaj-en
я друг-POSS.1SG	имя-POSS.3SG	Л. / Л.-POSS.2SG
‘Моего друга зовут Леша’.		

Учитывая идентичный план выражения и схожую семантическую функцию проприального артикля и показателя топика — оба выполняют функцию определенного детерминатора, но для разных классов имен — можно предположить, что проприальный артикль на самом деле является лишь дополнительным употреблением показателя топика с именами собственными. Это придало бы нашему описанию некоторую желаемую минимальность. Проблема, однако, состоит в том, что проприальный артикль, во-первых, не подвержен ограничениям, которым подвержен показатель топика, а во-вторых, имеет собственное ограничение, которое отличает его от показателя топика. Обсудим эти различия по порядку.

В первую очередь отметим, что проприальный artikel не требует салиентности. В (26), например, Петя не упомянут в предшествующем контексте и не присутствует в речевой ситуации, иными словами, он вообще не находится в поле внимания участников разговора. Тем самым я утверждаю, что проприальный artikel не требует салиентности.

может свидетельствовать о недостаточной грамматикализации проприального артикла в их идиолектах. В этом разделе я рассматриваю только суждения носителей, которые не принимают немаркированные аргументные имена собственные.

Пример (28) показывает, что проприальный артикль не подвержен ограничению на единственность (ср. показатель топика (25)).

(28) mašaj-en	petr-en	šiwałə-s-łe
M.-poss.2SG	P.-poss.2SG	увидеть-PST-3SG>SG
'Маша увидела Петю'.		

Последнее различие между двумя показателями вытекает из обобщения Патрика Муньоса. Муньос показывает, что проприальный артикль отличается от определенного артикля тем, что проприальный артикль производит интенсионально жесткие ИГ (rigid designators [Kripke 1980]), т. е. такие ИГ, которые не могут варьироваться в референции в сфере действия (модального или темпорального) квантора²⁹. Определенный артикль же производит интенсионально нежесткие ИГ. В применении к севернохантыйским данным мы ожидаем, что ИГ с проприальным артиклем будут жесткими, а ИГ с показателем топика будут нежесткими.

Для начала рассмотрим пример с показателем топика. В (29) квантор *kašəŋ* *sos* [каждый час] задает варьирование по ситуациям, в которых говорящий встречает собаку. В таком высказывании повторное упоминание собаки в сфере действия этого квантора может варьироваться в референции вместе с ним, отсылая к разным собакам в разных ситуациях (что фиксируется правым контекстом, указанным в переводе).

(29) kašəŋ	sos	amp	šiwałə-t-ɛm-ən
каждый	час	собака	увидеть-NFIN.NPST-1SG-LOC
amp-en		ma rəł-am-a	χıgət-ł
собака-poss.2SG		я на-poss.1SG-DAT	лять-NPST[3SG]

²⁹ Иными словами, ИГ с проприальным артиклем не могут иметь дистрибутивную референцию, см. [Шмелев 2002: 98 и сл.; Падучева 2017].

‘Каждый раз, когда я встречаю собаку, собака на меня лает. {Иногда это большая собака, иногда собака поменьше.}’

Тем самым можно утверждать, что показатель топика действительно производит интенциально нежесткие именные группы.

В случае же с проприальным артиклем это не так. В примере (30) имя собственное *wasá* может варьироваться в референции вместе с квантором *kašəj ol* ‘каждый год’, только если оно не будет маркировано проприальным артиклем³⁰. Добавление же проприального артикла приводит к однозначно жесткой интерпретации имени собственного (подарок получает один и тот же Вася каждый год), что приводит к неприемлемости в этом контексте.

(30) [Контекст: «Каждый год лучшему ученику 4-го класса мы дарим подарок».]

каšəj ol тојлəрpsi wəj-λ **wasá / #wasáj-en**
 каждый год подарок взять[NPST.3SG] V. / V.-POSS.2SG
 ‘Каждый год подарок получает [какой-нибудь] Вася. {В том году это был Вася Тасьманов, а в этом году это Вася Тарлин.}’

Итак, мы увидели, что проприальный артикль отличается в отношении детерминации от показателя топика, поскольку он не требует салиентности, не подвержен ограничению на единственность и производит интенциально жесткие ИГ. Эти наблюдения подтверждают анализ проприальных артиклей в [Мийоз 2019], как и, шире, релевантность интенциональной жесткости для типологии детерминации.

³⁰ В этом примере я также фиксирую варьирование в референции правым контекстом, см. перевод.

4. К системе детерминации северохантыйского языка

В настоящей работе мы обсудили множество беспосессивных детерминаторов казымского диалекта северохантыйского языка.

Было показано, что семантику этих беспосессивов можно достаточно точно определить, оперируя известными противопоставлениями из области детерминации, такими как: известность, уникальность, партитивная специфичность, салиентность и интенциональная жесткость. Это говорит в пользу того, что уральские беспосессивы функционируют как полноценные детерминаторы, и открывает пространство для семантических исследований, которые рассматривают беспосессивы на равных с детерминаторами других языковых семей и используют тесты из обширной литературы по детерминации, как настоящее исследование.

Благодаря этим тестам, в настоящей работе было показано, что собственно посессив казымского диалекта северохантыйского языка не маркирован по определенности, а следовательно, является таким же посессивным модификатором, как саксонский генитив английского языка [Coppock, Beaver 2015], приименные посессивные конструкции в русском и прочие известные посессивные конструкции [Partee, Borschev 2003]. Это принципиально отличает собственно посессив от четырех других рассмотренных здесь показателей-беспосессивов.

Интересным представляется вопрос о взаимодействии казымских хантыйских беспосессивов друг с другом. Представленные в настоящей статье данные могут создать у читателя впечатление, что все они находятся в дополнительном распределении по контекстам, так что в каждом возможном контексте в зависимости от типа детерминации данной ИГ может употребляться один и только один из беспосессивов, либо же вообще никакой. Это предполагаемое распределение сформулировано в списке ниже, где

обобщаются основные выводы о семантике рассмотренных нами показателей³¹:

- показатель топика употребляется с максимально салиентными уникальными референтами;
- ассоциативный посессив употребляется с уникальными референтами, которые связаны контекстно-заданным отношением с другим референтом и не употребляется с максимально салиентными референтами;
- партитивный artikel употребляется с неуникальными партитивно-специфичными референтами;
- проприяльный artikel употребляется с собственными именами людей, производя интенционально жесткие ИГ (в отличие от всех показателей выше);
- во всех остальных случаях употребляются немаркированные ИГ.

Руководствуясь логикой *Maximize Presupposition!* [Heim 1991] (см. §3.2) и прочих подобных принципов pragматической конкуренции, можно было бы попытаться упростить этот анализ. Например, можно предположить, что партитивный artikel на самом деле не требует строгой партитивной специфичности, но контексты полного совпадения референтов для него исключены в результате конкуренции с показателем топика и ассоциативным посессивом, за которыми эти контексты закреплены принципом *Maximize Presupposition!*

По предварительным данным, однако, по крайней мере некоторые пары беспосессивов не находятся в дополнительном распределении, что говорит против упрощения нашего описания через *Maximize Presupposition!* и против распределения, обозначенного выше. Пары беспосессивов, которые могут встречаться с одной и той же ИГ по моим

³¹ Подчеркнутые части эксплицитно задают предполагаемое дополнительное распределение, которое, однако, ниже оспаривается (вместе с ним соответственно оспариваются и подчеркнутые части этих обобщений).

предварительным данным, — это ассоциативный посессив и показатель топика, а также ассоциативный посессив и проприальный артикль. Например, в (28) из §3.5, повторенном ниже как (31), становятся доступны оба эти показателя, если контекст влечет наличие ассоциации между Петей и Машей. В таком случае говорящий может выбрать маркировать Петю ассоциативным посессивом вместо проприального артикля.

(31) [Контекст: *Петя — Машин муж.*]

mašaj-en	petr-əλ-<i>-en</i>	šiwaλə-s-λe
M.-poss.2SG	P.-poss.3SG/-poss.2SG	увидеть-PST-3SG>SG
'Маша увидела Петю'.		

Тем не менее эти данные нуждаются в дальнейшей проверке, а вопрос взаимного распределения беспосессивов остается открытым, как для пар с партитивным артиклем, так и для остальных пар. Проблема взаимного распределения беспосессивов несомненно требует дальнейших исследований.

Относительно типологической перспективы можно сказать, что северохантыйские беспосессивы реализуют как известные типы детерминаторов (партитивный и проприальный артикли), так и, по-видимому, ранее не фиксировавшиеся (ассоциативный посессив как определенный посессивный детерминатор и показатель топика как максимальный салиентный детерминатор). Тем самым настоящая работа вносит вклад в полевую семантику языков России и в типологию детерминации, продолжая и развивая направление исследований, начатое в [Nikolaeva 2003; Fraurud 2001; Кузнецова 2003].

Условные сокращения

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо; 3SG>SG — участник третьего лица единственного числа действует на участника единственного числа (аналогично для других сочетаний

лица-числа); DAT — датив; DEM — демонстратив; DIM — диминутив; DU — дуалис; IMP — императив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NFIN — общая нефинитная форма; NPST — непрошедшее время; NSG — неединственное число; OPT — оптатив; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — показатель посессивного согласования; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Долгоруков и др. 2021 — Долгоруков В. В., Зевахина Н. А., Попова Д. П. *Введение в лингвистическую прагматику*. Москва, 2021.

Каксин 2010 — Каксин А. Д. *Казымский диалект ханты-ского языка*. Ханты-Мансийск, 2010.

Кашкин 2010 — Кашкин Е. В. *Дискурсивные функции посессивных показателей в тегинском говоре ханты-ского языка*. Неопубликованный экспедиционный отчет (с. Теги, ХМАО-Югра), 2010.

Кузнецова 2003 — Кузнецова А. И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках. *Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: сборник статей*. Суйхонен П., Комри Б. (ред.). Ижевск, Лейпциг, 2003, 249–259.

Логвинова 2019 — Логвинова Н. Н. Непосессивные функции показателя посессивности третьего лица в малокарачинском говоре чувашского языка. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 2019, XV: 86–129.

Михайлов 2021a — Михайлов С. К. Против моносемических подходов к северохантыской дискурсивной посессивности. *Типология морфосинтаксических параметров*, 2021, 4, 118–146.

Михайлов 2021b — Михайлов С. К. 2-в-1: Две посессивные конструкции в одной парадигме северохантыских

суффиксов. *Малые языки в большой лингвистике. Вып. 3.* Москва, 2021, 106–117.

Муравьев 2022 — Муравьев Н. А. *Обвиация в казымском хантыйском*. Неопубликованный экспедиционный отчет (с. Казым, ХМАО–Югра). 2022.

Муравьев и др. 2023 — Муравьев Н. А., Михайлов С. К., Маслюков В. Р. *Обвиация в Северной Евразии? Данные севернохантыйского языка*. Доклад, представленный на 13-ой конференции «Типология морфосинтаксических параметров» (ИЯз РАН, Москва). 2023.

Падучева 2016 — Падучева Е. В. *Местоимения неизвестности (серия на -то)*. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. 2016. URL: <http://rusgram.ru>

Падучева 2017 — Падучева Е. В. *Референциальный статус именной группы*. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. 2017. URL: <http://rusgram.ru>

Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. Москва, 2011.

Сердобольская 2017 — Сердобольская Н. В. Инвариант определенности и дифференцированное маркирование прямого дополнения в бесермянском удмуртском. *Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 2017, XIII: 76–122.

Смирнова 2019 — Смирнова А. А. *Семантика посессивности в казымском хантыйском*. Неопубликованный экспедиционный отчет (с. Казым, ХМАО–Югра). 2019.

Хомченкова 2022 — Хомченкова И. А. Дискурсивные функции посессивного показателя третьего лица единственного числа в горномарийском языке. *Урало-алтайские исследования*, 2022, 45: 148–168.

Шмелев 2002 — Шмелев А. Д. *Русский язык и внеязыковая действительность*. Москва, 2002.

Arkoh, Matthewson 2013 — Arkoh R., Matthewson L. A familiar definite article in Akan. *Lingua*, 2013, 123: 1–30.

Barker 2000 — Barker C. Definite possessives and discourse novelty. *Theoretical linguistics*, 2000, 26: 211–228.

Barker, Polinsky 1998 — Barker C., Polinsky M. Review of "Possessives in English" (1996) by John R. Taylor. *Language*, 1998, 74: 838–844.

Barlew 2014 — Barlew J. Salience, uniqueness, and the definite determiner -te in Bulu. *Semantics and linguistic theory*, 2014, 24: 619–639.

Budzisch 2017 — Budzisch J. On the non-possessive use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup. *Урало-алтайские исследования*, 2017, 25: 58–66.

Coppock, Beaver 2015 — Coppock E., Beaver D. Definiteness and determinacy. *Linguistics and philosophy*, 2015, 38: 377–435.

Davis et al. 2014 — Davis H., Gillon C., Matthewson L. How to investigate linguistic diversity: Lessons from the Pacific Northwest. *Language*, 2014, 90: e180–e226.

Diessel 2006 — Diessel H. Demonstratives, joint attention, and the emergence of grammar. *Cognitive linguistics*, 2006, 17: 463–489.

É. Kiss 2018 — É. Kiss K. Possessive agreement turned into a derivational suffix. *Boundaries crossed, at the interfaces of morphosyntax, phonology, pragmatics and semantics*. Bartos H., den Dikken M., Bánréti Z., Váradi T. (eds.). Cham, 2018, 87–105.

É. Kiss, Tánczos 2018 — É. Kiss K., Tánczos O. From possessor agreement to object marking in the evolution of the Udmurt -jez suffix: A grammaticalization approach to morpheme syncretism. *Language*, 2018, 94: 733–757.

Enç 1991 — Enç M. The semantics of specificity. *Linguistic inquiry*, 1991, 22: 1–25.

Farkas 2002 — Farkas D. F. Specificity distinctions. *Journal of semantics*, 2002, 19: 213–243.

Farkas, Brasoveanu 2019 — Farkas D. F., Brasoveanu A. Kinds of (non)specificity. *The Wiley Blackwell companion to semantics*. Gutzmann D., Matthewson L., Meier C., Rullmann H., Zimmermann T. (eds.). 2019, 1–26.

Fraurud 2001 — Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? *Dimensions of possession*. Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds.). Amsterdam, 2001, 243–267.

Gerland 2014 — Gerland D. Definitely not possessed? Possessive suffixes with definiteness marking function. *Frames and concept types: applications in language and philosophy*. Gammerschlag T., Gerland D., Osswald R., Petersen W. (eds.). Dordrecht, 2014, 269–292.

Gillon 2009 — Gillon C. The semantic core of determiners: Evidence from Skwxwú7mesh. *Determiners: variation and universals*. Ghomeshi J., Paul I., Wiltschko M. (eds.). Amsterdam, 2009, 177–214.

Halm 2018 — Halm T. From possessive suffix to affective demonstrative suffix in Hungarian: A grammaticalization analysis. *Morphology*, 2018, 28: 359–396.

Hawkins 1978 — Hawkins J. *Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction*. London, 1978.

Heim 1991 — Heim I. Artikel und Definitheit. *Semantik*. Von Stechow A., Wunderlich D. (eds.). New York, 1991, 487–535.

Heim 2019 — Heim I. Definiteness and indefiniteness. *Semantics — noun phrases and verb phrases*. Portner P., Heusinger K., Maienborn C. (eds.). Berlin, Boston, 2019, 33–69.

Janda 2015 — Janda G. E. Northern Mansi possessive suffixes in non-possessive function. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric linguistics*, 2015, 6: 243–258.

Janda 2019 — Janda G. E. *Funktionen von Possessivsuffixen in den Ugrischen Sprachen* [Possessive suffixes and their functions in Ugric languages]. Cologne, 2019.

Körtvély 2010 — Körtvély E. On the function of possessive suffixes in Tundra Nenets: Possession and semantic-pragmatic definiteness. *Finnisch-Ugrische mitteilungen*, 2010, 32/33: 321–343.

Kripke 1980 — Kripke S. A. *Naming and necessity*. Cambridge, 1980.

Lambrecht 1994 — Lambrecht K. *Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge, 1994.

Löbner 2011 — Löbner S. Concept types and determination. *Journal of semantics*, 2011, 28: 279–333.

Matthewson 2004 — Matthewson L. On the methodology of semantic fieldwork. *International journal of American linguistics*, 2004, 70: 369–415.

Mikhailov 2022 — Mikhailov S. *Diagnosing and distinguishing Northern Khanty poss.2sg unpossessives*. Talk presented at the Talk series of the Uralic information centre, Hungarian Research Centre for Linguistics. 2022.

Muñoz 2019 — Muñoz P. The proprial article and the semantics of names. *Semantics and pragmatics*, 2019, 12: 1–36.

Nikolaeva 1999 — Nikolaeva I. *Ostyak*. München, 1999.

Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*, 2001, 39: 1–49.

Nikolaeva 2003 — Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. *International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia: collection of papers*. Suihkonen P., Comrie B. (eds.). Izhevsk, Leipzig, 2003, 130–145.

Partee 1987 — Partee B. H. Noun phrase interpretation and type-shifting principles. *Studies in discourse representation theory and the theory of generalized quantifiers*. Groenendijk J., de Jongh D., Stokhof M. (eds.). Dordrecht, 1987, 115–143.

Partee, Borschev 2003 — Partee B. H., Borschev V. Genitives, relational nouns, and argument-modifier ambiguity. *Modifying adjuncts*. Lang E., Maienborn C., Fabricius-Hansen C. (eds.). Boston, 2003, 67–112.

Roberts 2003 — Roberts C. Uniqueness in definite noun phrases. *Linguistics and philosophy*, 2003, 26: 287–350.

Roberts 2011 — Roberts C. *Solving for interpretation*. Manuscript presented at the Workshop on Meaning and Understanding at the Centre for Advanced Study. Oslo, 2011.

Roberts 2012 — Roberts C. Information structure in discourse: Towards an integrated formal theory of pragmatics. *Semantics and pragmatics*, 2012, 5: 1–69.

Roberts 2019 — Roberts C. Topics. *Semantics — Sentence and information structure*. Portner P., Maienborn C., Heusinger K. V. (eds.). Berlin, Boston, 2019, 381–412.

Schwarz 2009 — Schwarz F. *Two types of definites in natural language*. Ph.D. thesis. University of Massachusetts. Amherst, 2009.

Schwarz 2019 — Schwarz F. Weak vs. strong definite articles: Meaning and form across languages. *Definiteness across languages*. Aguilar-Guevara A., Pozas Loyo J., Vázquez-Rojas Maldonado V. (eds.). Berlin, 2019, 1–37.

Serdobolskaya et al. 2019 — Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangelskiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt. *Possession in languages of Europe and North and Central Asia*. Johanson L., Mazzitelli L. F., Nevskaya I. (eds.). Amsterdam, 2019, 291–311.

Siegl 2015 — Siegl F. The non-possessive use of px2p in Nganasan and Dolgan — a reappraisal. *Finnisch-Ugrische mitteilungen*, 2015, 39: 67–100.

Simonenko 2017 — Simonenko A. Towards a semantic typology of specific determiners. *Proceedings of the 21st Amsterdam colloquium*. Cremers A., van Gessel T., and Roelofsen F. (eds.). 2017, 425–434.

Sipos 2022 — Sipos M. North Khanty. *The Oxford guide to the Uralic languages*. Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds.). Oxford, 2022, 582–607.

Stalnaker 1974 — Stalnaker R. Pragmatic presuppositions. *Semantics and philosophy*. Munitz M. K., Unger P. K. (eds.). New York, 1974, 197–219.

Taylor 1996 — Taylor J. R. *Possessives in English: An exploration in cognitive grammar*. Oxford University Press, 1996.

Zayzon 2015 — Zayzon R. Observations on non-possessive usages of personal markers (possessive suffixes) in Nganasan. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric linguistics*, 2015, 6: 259–278.

References

- Arkoh R., Matthewson L. A familiar definite article in Akan. *Lingua*, 2013, 123: 1–30.
- Barker C. Definite possessives and discourse novelty. *Theoretical linguistics*, 2000, 26: 211–228.
- Barker C., Polinsky M. Review of "Possessives in English" (1996) by John R. Taylor. *Language*, 1998, 74: 838–844.
- Barlew J. Salience, uniqueness, and the definite determiner -te in Bulu. *Semantics and linguistic theory*, 2014, 24: 619–639.
- Budzisch J. On the non-possessive use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup. *Урало-алтайские исследования*, 2017, 25: 58–66.
- Coppock E., Beaver D. Definiteness and determinacy. *Linguistics and philosophy*, 2015, 38: 377–435.
- Davis H., Gillon C., Matthewson L. How to investigate linguistic diversity: Lessons from the Pacific Northwest. *Language*, 2014, 90: e180–e226.
- Diessel H. Demonstratives, joint attention, and the emergence of grammar. *Cognitive linguistics*, 2006, 17: 463–489.
- Dolgorukov V. V., Zevakhina N. A., Popova D. P. *Vvedenie v lingvisticheskuyu pragmatiku* [Introduction to Linguistic Pragmatics]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- É. Kiss K. Possessive agreement turned into a derivational suffix. *Boundaries crossed, at the interfaces of morphosyntax, phonology, pragmatics and semantics*. Bartos H., den Dikken M., Bánréti Z., Váradi T. (eds.). Cham, 2018, 87–105.
- É. Kiss K., Tánczos O. From possessor agreement to object marking in the evolution of the Udmurt -jez suffix: A grammaticalization approach to morpheme syncretism. *Language*, 2018, 94: 733–757.
- Enç M. The semantics of specificity. *Linguistic inquiry*, 1991, 22: 1–25.
- Farkas D. F. Specificity distinctions. *Journal of semantics*, 2002, 19: 213–243.
- Farkas D. F., Brasoveanu A. Kinds of (non)specificity. *The Wiley Blackwell companion to semantics*. Gutzmann D., Mat-

thewson L., Meier C., Rullmann H., Zimmermann T. (eds.). 2019, 1–26.

Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? *Dimensions of possession*. Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds.). Amsterdam, 2001, 243–267.

Gerland D. Definitely not possessed? Possessive suffixes with definiteness marking function. *Frames and concept types: applications in language and philosophy*. Gamerschlag T., Gerland D., Osswald R., Petersen W. (eds.). Dordrecht, 2014, 269–292.

Gillon C. The semantic core of determiners: Evidence from Skwxwú7mesh. *Determiners: variation and universals*. Ghomeshi J., Paul I., Wiltschko M. (eds.). Amsterdam, 2009, 177–214.

Halm T. From possessive suffix to affective demonstrative suffix in Hungarian: A grammaticalization analysis. *Morphology*, 2018, 28: 359–396.

Hawkins J. *Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction*. London, 1978.

Heim I. Artikel und definitheit. *Semantik*. Von Stechow A., Wunderlich D. (eds.). New York, 1991, 487–535.

Heim I. Definiteness and indefiniteness. *Semantics — noun phrases and verb phrases*. Portner P., Heusinger K., Maienborn C. (eds.). Berlin, Boston, 2019, 33–69.

Janda G. E. *Funktionen von Possessivsuffixen in den Ugrischen Sprachen* [Possessive suffixes and their functions in Ugric languages]. Cologne, 2019.

Janda G. E. Northern Mansi possessive suffixes in non-possessive function. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric linguistics*, 2015, 6: 243–258.

Kaksin A. D. *Kazymskii dialekt khantyiskogo yazyka* [Kazym dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiisk, 2010. (In Russ.)

Kashkin E. V. *Diskursivnye funktsii posessivnykh pokazatelei v teginskom govore khantyiskogo yazyka* [Discourse functions of possessive indicators in the Tegin dialect of the Khanty language]. Neopublikovannyi ekspeditsionnyi otchet (s. Tegi, KhMAO-Yugra). 2010. (In Russ.)

Khomchenkova I. A. Diskursivnye funktsii posessivnogo pokazatelya tret'ego litsa edinstvennogo chisla v gornomariiskom yazyke [Discourse functions of the possessive indicator of the third person singular in the Mountain Mari language]. *Uralo-altaiskie issledovaniya*, 2022, 45: 148–168. (In Russ.)

Körtvély E. On the function of possessive suffixes in Tundra Nenets: Possession and semantic-pragmatic definiteness. *Finnisch-Ugrische mitteilungen*, 2010, 32/33: 321–343.

Kripke S. A. *Naming and necessity*. Cambridge, 1980.

Kuznetsova A. I. Kumulyatsiya grammaticeskikh znachenii v agglutinativnykh pokazatelyakh: deikticheskie funktsii posessiva v ural'skikh yazykakh [Cumulation of grammatical meanings in agglutinative indicators: deictic functions of the possessive in the Uralic languages]. *Mezhdunarodnyi simpozium po deikticheskim sistemam i kuantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoi i Tsentral'noi Azii: sbornik statei*. Suikhonen P., Komri B. (red.). Izhevsk, Leiptsig, 2003, 249–259. (In Russ.)

Lambrecht K. *Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge, 1994.

Löbner S. Concept types and determination. *Journal of semantics*, 2011, 28: 279–333

Logvinova N. N. Neposessivnye funktsii pokazatelya posessivnosti tret'ego litsa v malokarachkinskom govore chuvashskogo yazyka [Non-possessive functions of the indicator of third-person possessivity in the Malokarachkinsky dialect of the Chuvash language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*, 2019, XV: 86–129. (In Russ.)

Matthewson L. On the methodology of semantic fieldwork. *International journal of American linguistics*, 2004, 70: 369–415.

Mikhailov S. *Diagnosing and distinguishing Northern Khanty poss.2sg unpossessives*. Talk presented at the Talk series of the Uralic information centre, Hungarian Research Centre for Linguistics. 2022.

Mikhailov S. K. 2-v-1: Dve posessivnye konstruktsii v odnoi paradigme severnokhantyiskikh suffiksov. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike*. Vyp. 3. Moskva, 2021, 106–117. (In Russ.)

Mikhailov S. K. *Protiv monosemicheskikh podkhodov k severnokhantyiskoi diskursivnoi posessivnosti* [Against mono-semic approaches to Northern Khanty discursive possessivity]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov*, 2021, 4, 118–146. (In Russ.)

Muñoz P. The proprial article and the semantics of names. *Semantics and pragmatics*, 2019, 12: 1–36.

Murav'ev N. A. *Obviatsiya v kazymskom khantyiskom* [Obviation in Kazym Khanty]. Neopublikovannyi ekspeditsionnyi otchet (s. Kazym, KhMAO–Yugra). 2022. (In Russ.)

Murav'ev N. A., Mikhailov S. K., Maslyukov V. R. *Obviatsiya v Severnoi Evrazii? Dannye severnokhantyiskogo yazyka* [Obviation in Northern Eurasia? Data from the Northern Khanty language]. Doklad, predstavlennyi na 13-oi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov» (IYaz RAN, Moskva). 2023. (In Russ.)

Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. *International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia: collection of papers*. Suihkonen P., Comrie B. (eds.). Izhevsk, Leipzig, 2003, 130–145.

Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*, 2001, 39: 1–49.

Paducheva E. V. *Mestoimeniya neizvestnosti (seriya na -mo)* [Pronouns of obscurity (episode on -то)]. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki. 2016. URL: <http://rusgram.ru> (In Russ.)

Paducheva E. V. *Referential'nyi status imennoi gruppy* [Referential status of a noun phrase]. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki. 2017. URL: <http://rusgram.ru> (In Russ.)

Partee B. H. Noun phrase interpretation and type-shifting principles. *Studies in discourse representation theory and the theory of generalized quantifiers*. Groenendijk J., de Jongh D., Stokhof M. (eds.). Dordrecht, 1987, 115–143.

Partee B. H., Borschev V. Genitives, relational nouns, and argument-modifier ambiguity. *Modifying adjuncts*. Lang E., Maienborn C., Fabricius-Hansen C. (eds.). Boston, 2003, 67–112.

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Roberts C. Information structure in discourse: Towards an integrated formal theory of pragmatics. *Semantics and pragmatics*, 2012, 5: 1–69.

Roberts C. *Solving for interpretation*. Manuscript presented at the Workshop on Meaning and Understanding at the Centre for Advanced Study. Oslo, 2011.

Roberts C. Topics. *Semantics — Sentence and information structure*. Portner P., Maienborn C., Heusinger K. V. (eds.). Berlin, Boston, 2019, 381–412.

Roberts C. Uniqueness in definite noun phrases. *Linguistics and philosophy*, 2003, 26: 287–350.

Schwarz F. *Two types of definites in natural language*. Ph.D. thesis. University of Massachusetts. Amherst, 2009.

Schwarz F. Weak vs. strong definite articles: Meaning and form across languages. *Definiteness across languages*. Aguilar-Guevara A., Pozas Loyo J., Vázquez-Rojas Maldonado V. (eds.). Berlin, 2019, 1–37.

Serdobol'skaya N. V. Invariant opredelennosti i differentsirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v besermyanskem udmurtskom [Invariant of certainty and differentiated marking of the direct object in Besermyansk Udmurt]. *Acta linguistica petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*, 2017, XIII: 76–122. (In Russ.)

Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangelskiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt. *Possession in languages of Europe and North and Central Asia*. Johanson L., Mazzitelli L. F., Nevskaya I. (eds.). Amsterdam, 2019, 291–311.

Shmelev A. D. *Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'* [Russian language and extra-linguistic reality]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Siegl F. The non-possessive use of px2p in Nganasan and Dolgan — a reappraisal. *Finnisch-Ugrische mitteilungen*, 2015, 39: 67–100.

Simonenko A. Towards a semantic typology of specific determiners. *Proceedings of the 21st Amsterdam colloquium*. Cremers A., van Gessel T., and Roelofsen F. (eds.). 2017, 425–434.

Sipos M. North Khanty. *The Oxford guide to the Uralic languages*. Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds.). Oxford, 2022, 582–607.

Smirnova A. A. *Semantika posessivnosti v kazymskom khan-*
tyiskom [Semantics of possessivity in Kazym Khanty]. Neo-
publikovannyi ekspeditzionnyi otchet (s. Kazym, KhMAO-Yug-
ra). 2019. (In Russ.).

Stalnaker R. Pragmatic presuppositions. *Semantics and phi-*
losophy. Munitz M. K., Unger P. K. (eds.). New York, 1974, 197–219.

Taylor J. R. Possessives in English: *An exploration in cognitive*
grammar. Oxford University Press, 1996.

Zayzon R. Observations on non-possessive usages of personal
markers (possessive suffixes) in Nganasan. *Eesti ja soome-*
ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric
linguistics, 2015, 6: 259–278.